

ЖАРКОЕ ЛЕТО ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОГО

Кандидат экономических наук Е.Г. ГАШО,
(ПТС МЭИ)

Сейчас уже совсем по-другому помнится – как всё это было...
Лето 1986 года. Студенческий отряд “Дозиметрист-86” – это 10 аспирантов и 15 студентов Московского энергетического института.

Поездке на станцию предшествовала неделя подготовки по дозиметрии: на кафедре АЭС МЭИ подучились работе с дозиметрическим оборудованием. В принципе, энергетическое оборудование мы знали, но задачи на ликвидации аварии не были связаны с оборудованием, в Зоне нужны именно дозиметристы. Проверять предметы, продовольствие, дома, одежду. В общем – всё, что там есть.

Завалы и грязь убирала армия, техническую работу на станции и в зоне вели команды специалистов с других АЭС, а вот дозиметристов не хватало.

Если помните, лето 1986-го было замечательное... Поэтому, кстати говоря, 20 июля не было никакой тревоги – группа ребят в стройотрядовской форме на Киевском вокзале – с гитарами, улыбающиеся. Сфотографировались на память – и в поезд: не плачь, девчонка, пройдут дожди...

В то лето поговаривали, что дожди приносят радиацию. Дождей в Киеве не было – тоже солнце, всё вроде на местах. “Ракета” понесла нас по водохранилищу в Зону. “Излюбленные места отдыха киевлян, – говорили старожилы, – какие красоты сгубили...”

Вот и пристань в Чернобыле. Тут и сошла весёлость – люди на берегу с респираторами, тишина, оркестры не играют, фанфары не поют...

Старенький ЛАЗ помчал нас к месту проживания с символическим названием – пионерлагерь “Сказочный”. Кажется, мы жили в красном уголке, одноэтажном домике среди сосен. Кровати, матрасы, одеяла – разобрались уже к вечеру.

Из нас получились две бригады. Половина обрабатывала дозиметры в школе, в Чернобыле, а половина дежурила на входе на саму станцию.

Хорошо помню, как наш командир Саша Коваль рассказал нам, где какие особенности, какой риск. Подчеркнул, что на станции – опасно, и посему речь может идти только о добровольцах. Пауза. “Кто желает?” – лес рук в ответ.

Собственно, сам Чернобыль – совсем небольшой райцентр, не больше 40 тысяч жителей, по-моему. Дома в основном двухэтажные, 50-х годов. Яблоневые сады, резные палисадники, неторопливая жизнь. Была...

В здании обычной школы с доской počёта школьников – служба дозиметристов. Сюда свозят дозиметры тех, кто работает на станции. И тех, кто работал там с весны, с мая. Впрочем, в мае дозиметров практически не было.

Знаете, как мы определяли дозы тем людям? Правильно, умножаем время пребывания людей там на мощность излучения в то время. Время – по их словам, мощность излучения – по замерам в этих местах в указанное примерно время. Потом всё это суммировалось

и попадало в Реестр. Ну а те, кто работал уже летом, сдавали личные дозиметры для обработки.

Иногда казалось – вокруг обычная жизнь, только не слышно детского смеха, люди ходят в серых и белых робах, БТРы по улицам катаются. Артистки Киевского варьете приезжали. А ещё яблоки... Все сады – в яблоках. Сбирать и есть некому. Да и незачем, завязь же была в мае. Впрочем, мы попробовали определять их загрязнённость, но у нас были не те приборы.

В лагере – после возвращения – телевизор, пробовали организовывать заплывы в бассейне, пока он ещё работал, потом – матчи по волейболу.

Кроме нашего отряда, были ребята из Горьковского Политеха, кажется. Они работали в Припяти. Там, конечно, обстановка была похуже.

Собственно, до самой станции было километров 15–20. Туда нас везли на первом, “чистом”, автобусе – до Копачей, это посёлок совсем рядом с АЭС. А там мы пересаживались на “грязный” автобус, с экранированными окнами, и – к административному зданию.

Хорошо помню первое впечатление от АЭС. Начало августа 86-го. Пасмурно, автобус с экранированными доверху стеклами подъезжает к главному входу. Это АБК-1 – административно-бытовой корпус первой очереди, отсюда люди идут на первый и второй блоки. Хочется побыстрее войти в здание. Ну а внутри почти толчея – народу на станции много. Но непосредственно на блоки входят только те, у кого на пропусках есть пометка – “Всюду”.

В качестве “вахтеров” – охрана из внутренних войск с других станций, а рядом мы – с дозиметрами. Контроль одежды, обуви, инструментов. Проверяли людей, возвращающихся со смены. Если у кого-то одежда “фонила”, ему давали талончик на новую. Ну и в самом корпусе проверяли, не было ли где-нибудь “пятен”. В столовой на входе стояли, чтобы народ не занёс чего не следует.

Столовых было несколько: одна, большая – для всех ремонтников, другая, маленькая – для оперативного персонала, работающего на АЭС. Зелень, соки, шоколад, витамины. Поварихи приветливые – это, видите ли, способствует... пищеварению.

Одно из впечатлений связано со столовой. Обедали в ночную смену – около полуночи, тишина, вокруг прожекторы. У кого-то из персонала приёмник настроен на “Голос Америки”. И как раз в тот момент – передача про Чернобыль. Даже уже и не помню, что говорили, правда, не очень правдиво, но вот ведь – а в память впечаталось.

Много разных впечатлений: вертолёт, люди, роботы-бульдозеры во дворе станции... Хотя обломки и радиоактивный мусор убрали не столько роботы, сколько люди. Роботы отказали, электроника у них чересчур чувствительная. Да и на крышу машинного зала затащить робота непросто.

А вот вертолеты мотались часто – по десять раз на дню – подвозили конструкции для саркофага, измерительную аппаратуру, ещё что-то. Особенно крутились около трубы, которую все знают по фотографиям – вентиляционной трубы четвёртого блока. Хотя зачем – мы так и не разобрались тогда. Штаб ликвидации работал отдельно, а мы – больше с эксплуатационниками.

На четвёртый блок было тогда уже не пройти – и дополнительная охрана, и стену начали возводить вокруг – саркофаг. На третий блок ходили – он связан с четвёртым технологически. Дежурили там одно время в АБК-2, это как раз административное здание второй очереди. Там, конечно, поля повыше...

Народу много было... Физики – одно, эксплуатация – другое, армия – третья, гражданская оборона – четвёртое... Были ещё строители, шахтёры, милиция, врачи. Неразбериха, конечно, была, но всё равно самое главное впечатление того жаркого лета – люди. Удивительный

народ. Чувство сплочённости и необходимости стране, давно забытое сейчас.

Каковы главные уроки аварии?

Их немало, конечно... Современные реакторы гораздо более совершенны, а на существующих модернизировали системы безопасности... Но главное, мне кажется, то, что операторы думали – реактор никогда не взорвется. А поэтому и допустили такую невероятную цепь ошибок, случайностей. Ну и наложилось это на конструктивные и физические особенности. Это даже не беспечность, как на Титанике, это просто непогрешимая вера в то, что техника абсолютно совершенна. А техника не всегда совершенна, и очень часто слабым звеном этого несовершенства оказывается Человек.

...Прошло целых три десятилетия – как изменилось наше отношение к этому?

Тридцать лет – немалый срок для осмысления столь масштабных событий. Уже нет академика Валерия Алексеевича Легасова, много сделавшего в то лето 86-го, но в сети сейчас можно найти его правдивые дневники и прочитать горькие записи об аварии.

Ну и конечно, трагические дневники заместителя главного инженера ЧАЭС Анатолия Степановича Дятлова. Там всё в цифрах, почти без эмоций, хотя им тогда без эмоций было не обойтись...

...10-летний юбилей в 1996 г. отмечать было совсем некогда – страна избирала алкоголика президентом в пропагандистском дурмане.

Чернобыльцы собирались, хоронили друзей, объединялись, чтобы отстаивать свои права.

На 15-летие Украина от большого ума и под давлением “евродрузей” вовсе закрыла Чернобыльскую АЭС.

Когда в сети появились предсмертные записки заместителя главного инженера станции Анатолия Дятлова, журналисты поспешили объявить его главным виновником катастрофы. А он с правдивой грустью досконально описывает каждую минуту того, что происходило, как

будто ещё и ещё раз спрашивает себя – мог ли я поступить по-другому... и предотвратить последствия...

20-летие аварии тоже не стало поводом для каких-либо серьёзных событий.

А что можно сказать теперь, по прошествии трёх десятилетий?

Если бы мы знали тогда, что в реакторе осталось всего около 4–5% топлива и, значит, можно было не бурить подземные каналы, не опасаться парового взрыва... И не только.

Но доказал это во время своих “годовых командировок” на ЧАЭС Константин Чечеров, сотрудник Курчатовского института, доказал уже гораздо позже, а сейчас уже и его нет в живых...

А на 25 лет случилась Фукусима, и все вдруг вспомнили – ведь именно самоотверженность и мужество пожарных и спасателей предотвратили те самые трагические последствия, которые вот в полной мере ощутили на себе японцы...

Каковы самые главные уроки? В чём они для нас?

Они в людях, которые были рядом. И на которых можно положиться.

В том, что знание реальной обстановки – по приборам – самый главный твой советчик, а не книги, газеты или интервью якобы “очевидцев”...

Они в том, что те незабываемые ощущения единства и важности нашей общей работы мы будем помнить всегда.

И в том ещё, что всё это непременно нужно рассказывать детям...

Надо же пробиться через наложения к сознанию, к подсознанию людей – на самом деле всё ведь зависит только от нас с вами – вся наша жизнь, будущее, жизнь детей, внуков.

Сколько “Чернобылей” нужно ещё, чтобы это понять и прочувствовать? Всё сделает наш народ, только должен захотеть. И страну из болота вытащит, и уважать себя заставит, никакого сомнения нет. Только вот времени мало остаётся. Надо успеть...